

На правах рукописи

**Рыхтик Павел Павлович**

**Черногория в балканской стратегии Российской империи в 1903-1912 гг.: малое «буферное» государство как системный элемент военно-политического планирования**

Специальность: 5.6.2. – Всеобщая история.

**АВТОРЕФЕРАТ**

диссертации на соискание ученой степени  
кандидата исторических наук

Нижний Новгород  
2022

Диссертация выполнена на кафедре новой и новейшей истории в Федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского».

**Научный руководитель:** **Белов Михаил Валерьевич**  
доктор исторических наук, доцент,  
заведующий кафедрой новой и новейшей  
истории ФГАОУ ВО «Национальный  
исследовательский Нижегородский  
государственный университет  
им. Н.И. Лобачевского».

**Официальные оппоненты:** **Вишняков Ярослав Валерианович**  
доктор исторических наук, профессор,  
кафедра всемирной и отечественной истории  
ФГАОУ ВО «Московский государственный  
институт международных отношений  
(университет) Министерства иностранных дел  
Российской Федерации».

**Гусев Никита Сергеевич**  
кандидат исторических наук, старший  
научный сотрудник Отдела истории  
славянских народов периода мировых войн  
Института славяноведения РАН.

**Ведущая организация:** Кафедра теории и истории международных  
отношений ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский  
государственный университет».

Защита состоится «22» сентября 2022 г. в 13.00 на заседании диссертационного совета 99.2.042.02 при ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет» по адресу: 603005, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2, ауд. 320.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале библиотеки ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» и на сайте ННГУ

<https://diss.unn.ru/files/2022/1273/diss-Rykhtik-1273.pdf>

Автореферат разослан «\_\_» \_\_\_\_\_ 2022 года.

Ученый секретарь  
Диссертационного совета  
кандидат исторических наук, доцент

А. М. Абидулин

## **I. Общая характеристика работы**

**Актуальность работы.** Проблема, на решении которой сосредоточенно исследование, связана с особенностями взаимодействия «крупных» и «малых» держав в рамках отдельного региона-подсистемы международных отношений. Одним из таких регионов в начале XX века являлись Балканы, отчасти сохраняющие «проблемный» статус и по сей день. В 1903–1912 гг. Черногория стала одним из центров концентрации российского военно-стратегического, политического и идеологического влияния на Балканском полуострове.

В условиях подъема историко-мотивированной риторики в мировой политике для исследователя-историка актуализируется задача совершенствования теоретической базы, связанной с изучением опыта межгосударственных отношений в рамках политически и исторически «проблемных» регионов, в том числе, влияния внутренних процессов в таких регионах на систему международного взаимодействия. Актуализируются и задачи по разработке типологии подобных процессов, с последующим учетом всего теоретического и практического опыта, который они способны представить. Классический историографический концепт о Балканах как «пороховом погребе» Европы все еще имеет ряд не до конца рассмотренных аспектов, особенно в части совмещения данной исторической проблемы с теоретическим моделированием взаимоотношений мировых держав, а также дискурсивного и имагологического факторов, сопровождавших принятие ключевых решений в рамках балканской политики России. В этой связи Черногория и ее парадоксально высокая роль на этом внешнеполитическом направлении в 1903–1912 гг., с учетом ее ресурсной «малости» относительно «больших» государств, становится примечательным предметом для изучения.

**Объектом** исследования является Черногория в военно-политических планах Российской империи в Балканском регионе в 1903–1912 гг.

**Предметом** исследования выступает Черногория как «малый» «буферный» актор в системе военно-стратегических планов Российской империи, связанных с деятельностью русских военных миссий и военных агентов в Балканском регионе как специфическом политическом, географическом и имагологическом пространстве в 1903–1912 гг.

**Хронологическими рамками** работы выступают два рубежных года, ключевых в истории балканской политики Российской империи. Первый — 1903 г., когда после свержения в Сербии проавстрийского режима Обреновичей происходит значительный рост русского политического влияния в регионе. Верхним рубежным годом является 1912 г., когда в знак протеста против участия Черногории в Первой балканской войне Россия приостановила выплату военных субсидий и модернизацию черногорской армии.

**Историческое пространство** исследования достаточно широко. Прежде всего это Княжество (Королевство) Черногория, а также связанная с ним по ряду критериев, хотя и не абсолютно тождественная, Сербия. Черногория выделяется из ряда других балканских государств. Из малого по протяженности исторического пространства, тем не менее, формируется и определенная парадоксальность черногорской ситуации, и характер ее влияния на балканский политический курс России в начале XX века. Помимо этого, исследование обращается к изучению событий в Болгарии, бывшей сильнейшим из самостоятельных национальных балканских государств в тот период (по оценкам русского Главного штаба). В контексте русского дискурсивного политического влияния рассматриваются связанные с подъемом социалистических идей события в Македонии, прежде всего волнения в Салониках 1910 г.; исследуется процесс распространения федералистских идей, происходивший на югославянских землях Австро-Венгрии в начале XX века, и связанный с ними временный рост популярности «триализма» в общественно-политическом дискурсе Австро-Венгрии.

**Цель** исследования состоит в определении значения Черногории как специфического актора балканской подсистемы международного взаимодействия и элемента военно-политического планирования Российской империи в 1903-1912 гг.

**Задачи** исследования:

1. Исследовать специфику Черногории как «буферного» государства в системе международных отношений в начале XX века.
2. Доказать существенность роли, отводимой Россией Черногории в рамках военно-стратегического курса России на Балканах.
3. Установить степень влияния русской военной миссии в Черногории на политическое развитие Черногории в 1903–1912 гг.
4. Определить характер влияния образов «малых» южнославянских народов в общественно-политическом сознании правящей бюрократии Российской империи на процесс принятия решений.
5. Изучить дискурсивные ресурсы черногорских властей для воздействия на политический курс Российской империи с учетом доминирования в регионе русской панславистской риторики.
6. Выявить специфику «триалистического» проекта Австро-Венгрии и проекта социалистической федерации на Балканах как вызовов для русской балканской политики в 1903–1912 гг.
7. Проанализировать особенности влияния наднациональных политических проектов на Балканах на политическое развитие Черногории в 1903–1912 гг.

**Теоретико-методологическая основа** исследования выстраивается в соответствии с принципом историзма и принципом объективности. Помимо общенаучных методов (анализ, синтез, индукция и дедукция), использованы специальные исторические методы: историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический. Применяется дискурс-анализ, комплекс текстологических методов и метод статистического анализа публицистики.

В ходе исследования автор придерживается системного, конструктивистского и имагологического подходов. Системный подход выражается в стремлении изучать русскую политику относительно Черногории в ее взаимосвязи с существовавшими параллельно политическими усилиями иных «великих держав», что также позволяет рассматривать взаимодействие «великих держав» и «малых» государств на пространстве Балканского региона как элементов в единой международной системе<sup>1</sup>, выстроенной вокруг «Балканского региона» в его многоаспектных измерениях. С учетом этой системности анализируются и региональные особенности русской политики на Балканах в 1903–1912 гг. Конструктивистский подход, выражен в том, что под «русским военно-стратегическим и идеологическим политическим курсом на Балканах» понимается не какая-то абстрактная идея и не заданная лишь априорными условиями установка. В работе анализируется реальность особого уровня или порядка, отраженная в источниках и оказывавшая влияние на «политическую реальность», какой ее представляли деятели русского военного ведомства, а также лидеры тех «малых» балканских государств, где влияние России было особенно сильным. Поскольку исследование придерживается конструктивистского понимания «образов» как коллективно разделяемых представлений, методология работы также основывается на имагологическом подходе и следует концепции о воздействии сформированных с помощью этих образов идей на процессы выстраивания системы межгосударственного взаимодействия на пространстве Балкан в начале XX века.

В работе используются и некоторые положения двух полярных традиций в теории международных отношений – реализма и конструктивизма – с совмещением некоторых из их элементов. В русле первой традиции в работе делается акцент на ведущей роли в историческом процессе тех держав, что воспринимаются как «мощные» или «полюса

---

<sup>1</sup> Системный подход и эволюция международных отношений в XX веке / Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений // Богатуров А. Д. – М.: Московский рабочий, 2002. – Разд. I. – Гл. V. – С. 112–128.

силы». В русле второй традиции, во-первых, такие понятия как «сила», «буферная зона», «малый актер» преломляются через призму их конструктивности; во-вторых, особое внимание в исследовании уделяется каналам влияния панславистского дискурса на отношения России и Черногории (с проекцией на все пространство Балканского региона) в 1903–1912 гг.

**Новизна исследования** обусловлена выбором методов и методологических подходов в их оригинальном сочетании между собой, а также оригинальной для отечественной науки постановкой ряда исследовательских задач. С учетом оригинальности методов и поставленных задач, при прочтении новых и ранее привлекавшихся для исследования источников получены новые выводы: 1) о тесном переплетении внешнеполитического курса Российской империи в отношении Черногории в начале XX века и панславистского феномена «братского» восприятия южных славян, имевшем дискурсивно опосредованный и диалектически связанный характер; 2) об особенности русской политики на Балканах, подразумевавшей вовлечение в орбиту ее дискурсивного и идеологического оснащения всех южнославянских этнокультурных идентичностей — не только самых представительных (сербской или болгарской), но и черногорской. Научная новизна исследования проявляется и в имагологическом подходе к изучению международных отношений на Балканах в канун Первой мировой.

**Источники**, составляющие базу исследования, подразделяются на три основные группы.

*К первой группе* письменных источников относятся материалы официального делопроизводства. Это рапорты, докладные записки, аналитические обзоры дипломатических и военных ведомств: программные документы партий и общественных движений, содержащие те или иные решения в ходе русской политики на Балканах в целом и в отношении Черногории в частности в 1903–1912 гг.

Взгляд высших армейских чинов Российской империи на вопрос переустройства Балканского региона можно проследить в корпусе опубликованных<sup>1</sup> и неопубликованных<sup>2</sup> документов из Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), а также опубликованных<sup>3</sup> материалов фонда Генерального штаба и Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ). Пласт этих источников включает рапорты, телеграммы, записки, письма и отчеты о деятельности русского военного агента Николая Михайловича Потапова в Черногории, а также документы, освещающие различные аспекты взаимоотношений России с Черногорией и иными южнославянскими государствами, с Австро-Венгрией и Османской империей в период с 1902 по 1915 гг. Кроме того в неопубликованной части фонда № 2000 приведены синхронные донесения русских военных агентов в иных балканских государствах: Сербии, Болгарии, Румынии, Турции<sup>4</sup>. В них представлена оценка событий и явлений, происходивших в регионе в целом и, в частности, в южнославянских странах. Здесь можно проследить место отдельных государств в военно-стратегических планах русского Главного штаба, оценки деятельности русских военных и дипломатических миссий на Балканах, оценки политических верхов южнославянских государств и взгляды на «идеализированный» образ Российской империи у широких масс населения этих стран. Составленные в основном военными и министерскими служащими документы (донесения и рапорты) представляют собой прекрасный материал, дающий емкую информацию по существу вопроса. Тем не менее, представленная в них оценка носит определенную долю субъективности. Хотя в массе своей они написаны военными людьми, призвание которых не располагает к значительному искажению информации в отчетах, и можно было считать содержание данных документов близким к

---

<sup>1</sup> Н. М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. Т. 1. Донесения, рапорты, телеграммы, письма 1902-1915 гг.- М.: Подгорица, 2003.- 791 с.

<sup>2</sup> РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 674, 759, 836, 3048, 3189, 3197, 3198, 3199.

<sup>3</sup> Н. М. Потапов. Т. 1.

<sup>4</sup> РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 3048.

существовавшей реальности и лишенной значительных неточностей, но только с одной оговоркой: речь идет о реальности, в том субъективном ее измерении, в каком сами авторы данных документов эту реальность воспринимали.

Кроме того, в отчетах агентов из Сербии, Болгарии и Румынии сохранились обзоры периодической печати в этих странах от 1911–1913 гг. с приложенными вырезками на местных языках (в основном сербском и болгарском)<sup>1</sup>. Анализ этих материалов позволяет не только выявить отношение представителей русских миссий на Балканах к актуальным политическим процессам, но и проанализировать специфику отражения русской политики в прессе «малых» балканских государств.

Важное место в корпусе привлеченных в работе источников занимают опубликованные дневниковые записи Н. М. Потапова за 1906–1907, 1912, 1914–1915 гг.<sup>2</sup>, которые следует отнести к источникам личного происхождения. Несмотря на утрату значительной составляющей от всего комплекса дневников Потапова, написанных им в Черногории с 1903 по 1915 гг., здесь представлены внушительная их часть, воссозданная составителями по материалам Архивного отдела Национального музея Черногории и Архива Института российской истории Российской академии наук. Данные записи интересны и как содержащие сиюминутную авторскую оценку черногорских реалий, и как материалы, дополняющие картину принятия решений в рамках военно-стратегической политики России на Балканах относительно Черногории в 1903–1912 гг. (в соотнесении с синхронными материалами официального делопроизводства, составленными Потаповым, другими участниками русских миссий на Балканах или функционерами русского Главного штаба в Санкт-Петербурге). Дневники Потапова представляют интерес и как материалы по изучению общества и культуры Черногории означенного периода, в том числе и культуры

---

<sup>1</sup> РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Ед. хр. 674, 3048.

<sup>2</sup> Н. М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. Т. 2. Дневники 1906–1907, 1912, 1914–1915 гг. – М.: Подгорица, 2003. – 839 с.

политической. В них содержится авторская оценка влияния лидеров Черногории на внутреннюю и внешнюю политику страны, а также отмечается рост недовольства властями со стороны иных общественных слоев. Характерно, что, хотя сущностное содержание дневников Потапова и его официальных рапортов по одним и тем же вопросам не расходится формально, в дневниках наблюдается склонность к выражению более критичных оценок. Таким образом, два тома опубликованных материалов, связанных с Потаповым, образуют единый комплекс источников, становящийся одним из базовых для данного исследования.

Для изучения вопроса об идеологическом влиянии России в регионе были привлечены документы (письма, открытые публицистические произведения-воззвания славянской интеллигенции, официальные донесения русских наблюдателей), опубликованные в специальном тематическом сборнике<sup>1</sup>. Они освещают внутреннюю обстановку и настроения среди славянского населения Австро-Венгерской империи, его реакции на балканские события. Прежде всего это Боснийский кризис 1908–1909 гг. и две Балканские войны 1912–1913 гг.

Для углубленного изучения международной системы, сложившейся на рубеже XIX–XX веков вокруг Балканского региона, как с точки зрения «великих держав», так и с позиций «малых» государств, привлекались материалы, опубликованные в специализированных сборниках дипломатических документов по вопросам внешней политики России и иных «великих держав» в отношении друг друга<sup>2</sup> и «малых» государств Балкан<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Русско-словенские отношения в документах (XII в.–1914 г.). – М.: Древлехранилище, 2010. – 653 с.

<sup>2</sup> Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и временного правительств. 1878–1917 г. Серия 2-я 1900–1913. т. 18, ч. 2: 14 сентября 1911 г. - 13 ноября 1911 г. [Москва] ; [Ленинград] : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1938–1940. - 1938. - XVII, 382 с. Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и временного правительств. 1878–1917 г. Серия 3-я. 1914–1917. Т. 1. 14 янв. – 4 авг. 1914 г. – М.-Л.: Соцэкгиз, 1933. – 616 с. Международные отношения и внешняя политика СССР (1871–1957 гг.): Сб. документов / А.А. Харламова / Е.М. Иванова. Высш. парт. школа при ЦК КПСС. Каф. международных отношений. – М: Высш. парт. школа при ЦК КПСС, 1957. – 430 с.

<sup>3</sup> Москва - Сербия, Белград - Россия : сборник документов и материалов. Т. 3, Общественно-политические и культурные связи 1878–1917 гг. / составители А.Л. Шемякин ... [и др.]. - Белград : Архив Србије; Москва: Главное архивное управление города Москвы, 2012 (Можайск: Можайский полиграфический комбинат). – 703 с. Москва - Сербия, Белград - Россия : сборник документов и материалов. Том 4, Русско-сербские

Ко второй группе, относятся источники личного происхождения и публицистика, включающей произведения из корпуса «литературы путешествий». На протяжении всего XIX века корпус таких источников, составлявшихся путешественниками из Российской империи, постоянно пополнялся. Позднее, в 1912–1913 гг., в связи с началом Балканских войн возник особенно массивный комплекс синхронных путевых заметок, в которых речь идет о сравнительно небольшом регионе, а это дает возможность сопоставления и сравнения информации. Оговоримся, если для текстов подобного жанра первой половины XIX века допустимо применять термины «травелоги» или «литература путешествий», то к концу столетия и в начале XX века уже возможно увереннее дифференцировать данные произведения с применением понятий «путевые письма», «репортажи», «дневниковые заметки» и т.п. Это результат развития и усложнения жанра «путешествий» в литературоцентричной Российской империи. Однако с учетом специфики путешествия и ключевого для авторов данных текстов опыта «встречи с новым», сопровождавшим появление данных текстов, допустимо считать данный комплекс источников единым целым.

Применительно к теме исследования примечательный пласт источников второй группы содержится в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ). Речь идет в первую очередь о личных фондах русских историков, журналистов и исследователей, бывавших в начале XX века на Балканах.

В работе использованы материалы фонда историка народничества В. Я. Богучарского (Яковлева), хранящиеся в РГАЛИ (фонд № 1696). Прежде всего, были привлечены единицы хранения 41 и 56, содержащие автографы статей и путевые заметки времени его пребывания на Балканском полуострове в 1910–1911 гг.<sup>1</sup>. А также единица хранения 81, относящаяся к

---

отношения. 1917–1945 гг. / авторы-составители Алексеј Тимофејев, Горан Милорадовић, Александр Силкин. – Белград: Архив Србије ; Москва : Главное архивное управление города Москвы, 2017 (Москва: ООО «Алатырь»). – 1008 с.

<sup>1</sup> РГАЛИ. Ф. 1696 оп. 1. № 41. Л. 1–8.; РГАЛИ. Ф. 1696 оп. 1 № 56. Л. 1–11.

иному периоду, скорее всего, к 1906 г.<sup>1</sup> Отдельную ценность привлеченный корпус источников представляет в связи с тем, что часть статей, содержащихся в РГАЛИ в виде рукописей и (в одном случае) машинописи, не были опубликованы в изначальном виде. Отдельные идеи и фрагменты этих текстов были опубликованы лишь частично и после 1913 г. в журнале «Современник». Допустимо также предположить, что часть умозаключений, выработанных автором в этот период, использовалась им впоследствии при составлении предисловия к русскому изданию книги английского путешественника Э. Ф. Найта «Революционный переворот в Турции» (1914)<sup>2</sup>. Тем не менее, если Богучарским и планировалась полноценная доработка указанных статей и заметок для последующей публикации, то смерть автора в 1915 г. не дала ему завершить эту работу. Таким образом, базирующиеся на путевых заметках тексты Богучарского, публицистические по жанру, но содержащие его личные впечатления о Балканах имеют признаки литературы путешествий.

Часть документов из фонда В. Я. Богучарского, уже вводились ранее в научный оборот, но делалось это для решения иных исследовательских задач. Историографы А. В. Болотина<sup>3</sup> и Л. М. Искра<sup>4</sup> привлекали эти источники для написания трудов о Богучарском как об историке народничества. Применительно к проблеме настоящей работы данный корпус источников ранее не привлекался.

Для анализа генезиса панславистских концепций к началу XX века в их взаимосвязи с формированием образа «малых» балканских народов и

<sup>1</sup> РГАЛИ. Ф. 1696 оп. 1. № 81. Л. 1–26.

<sup>2</sup> *Тортика, М. В.* Концепция «османизма» в политических оценках болгарской социал-демократии // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология, 2013. – № 1 (144). – С. 66–67.

<sup>3</sup> *Болотина, А. В.* В.Я. Богучарский по архивным материалам и в воспоминаниях современников // Страницы истории и историографии отечества: Сб. науч. тр. Воронеж, 2001. – Вып. 3. – С. 49–84.

<sup>4</sup> *Искра, Л. М.* Революционный народник В.Я. Яковлев-Богучарский // Страницы истории и историографии отечества. сборник научных трудов. Воронежский государственный университет, 2007. – С. 3–23.

русской балканской политикой в отечественном сознании использованы более ранние травелоги, в частности, материалы, собранные М. В. Беловым<sup>1</sup>.

Множество образцов «литературы путешествий» опубликовано и в журнале «Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества» с 1883 по 1887 гг.

На содержание перечисленных в рамках второй группы источников безусловно оказала влияние субъективная (или «партийная») позиция их авторов. Однако, применительно к рассматриваемой в исследовании проблеме это можно считать скорее их достоинством, нежели недостатком. Выводы о специфике образов «малых» балканских народов и их влиянии на русскую балканскую политику, построенные на основе этих материалов, будут объективны в фокусе поставленной проблемы.

*К третьей группе* источников относятся статьи, публиковавшиеся в отечественных публицистических журналах, таких как «Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества» и «Русская мысль», выходивших в последней четверти XIX века. На страницах этих двух изданий в рассмотренный период поднимались вопросы, связанные с проблемами славянского единения, кирилло-мефодиевской традиции, роста или упадка российского духовного и политического влияния на Балканах. Данные публикации порождали на своих страницах и в русском обществе широкую полемику вокруг метафор «братства» и «славянского единения», являвшихся наиважнейшими для теории панславизма. Все это оказывало влияние на панславистский дискурс в русском общественном сознании и, как следствие, на балканскую политику России в отношении южнославянских государств как в конце XIX, так и в начале XX веков. Большой пул материалов, связанных с темой представлен и в иных журналах того времени, таких как «Вестник Европы» или «Русское богатство». Однако для отдельных задач данного исследования, а именно — для подтверждения

---

<sup>1</sup> Открытие «братьев-славян»: русские путешественники на Балканах в первой половине XIX века / составление, предисловие, биографические справки, комментарии и заключительная статья М.В. Белова. — СПб., 2018. — 672 с.

распространенности панславистского дискурса в русском общественно-политическом сознании и сочетания этого дискурса со спецификой русской балканской политики это представляется достаточным. «Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества» выбраны как содержащие большой объем публикаций разного жанра по славянской теме. «Русская мысль» — издание по широкой общественно-политической тематике, с высокой частотой присутствия на его страницах «славяноцентричных» публикаций и обсуждения вопросов русской балканской политики.

Следует подчеркнуть, что предложенное подразделение источников на группы содержит сугубо авторское видение подхода к анализу источников, а, значит, оно имеет и исследовательские ограничения. Так, позднейшие воспоминания русского дипломата в Белграде 1911–1915 гг. В. Н. Штрандтмана<sup>1</sup>, воспоминания первого секретаря русской миссии в Черногории в 1905 г. Ю. Я. Соловьева<sup>2</sup>, донесения и отчеты русского военного агента Н. М. Потапова, и воспоминания С. Ю. Витте, можно отнести к двум первым группам одновременно. При этом записки о путешествиях в Хорватию, составленные литературоведом И. П. Созоновичем и изданные в 1884 г. в ряде номеров «Известий Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества», можно рассматривать и в рамках второй, и в рамках третьей группы<sup>3</sup>.

Наконец, очень важное значение и как специфическая публицистика, и как публикация оригинальных источников представляют труды П. А. Ровинского<sup>4</sup>, впервые в отечественной практике описавшего множество вопросов политического реформирования Черногории на рубеже XIX–

<sup>1</sup> Штрандтман, В. Н. Балканские воспоминания / Василий Штрандтман; подгот. текста и вступ. ст. А. Л. Шемякина; примеч. А. Л. Шемякина, В. Б. Каширина, Р. Р. Субаева. – М.: Книжница, Русский путь, 2014. – Ч.1: (1908-1913 гг.); ч.2: (1914-1915 гг.). – 504 с.

<sup>2</sup> Соловьев, Ю. Я. Воспоминания дипломата 1893-1922 / Ю. Я. Соловьев; [вступит. ст. Б. Штейна]. – М.: Соцэкгиз, 1959. – 415 с.

<sup>3</sup> Созонович, И. П. Из путевых заметок по Хорватии. // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного общества. — 1884. — № 1. — С. 18–23.

<sup>4</sup> Ровинский, П. А. Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. I–III. СПб., 1888–1915.

XX веков в контексте международных отношений с ближайшими соседями и отдаленными странами.

В подобном сочетании и с применением всего комплекса описанной методологии данные источники в отечественной исторической науке рассмотрены впервые.

**Историография** проблемы подразделена на три группы: историография Балканского региона и Черногории; труды по проблеме панславизма, выступавшего идеологической основой принимавшихся в рамках русской балканской политики решений; работы по политической антропологии, социальному воображению и образам Балканского региона.

*В рамках первой группы* отечественную историографию по тематике Балканского региона можно разделить на три этапа: дореволюционный, советский и постсоветский. В дореволюционный период были написаны первые работы по теме Балканских войн 1912–1913 гг.<sup>1</sup>, а также исследование Черногории, выполненное П. А. Ровинским<sup>2</sup>. В конце советского периода выделяется ряд исследований, систематизировавших сведения о предвоенных Балканах, главными из которых являются работы Ю. А. Писарева<sup>3</sup>, а двухтомное исследование «Освободительные движения народов Австрийской империи: Период утверждения капитализма»<sup>4</sup>, примечательно глубоким аналитическим обзором истории борьбы балканских народов за независимость на территории Австрийской (позднее Австро-Венгерской) империи на протяжении XIX века. Относительно постсоветской историографии, для этого исследования особенно интересны такие издания, как «Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории» (1994)<sup>5</sup> или серии «Человек на Балканах»<sup>1</sup> или «Славяне и Россия»<sup>2</sup>,

<sup>1</sup>Пастухов, А. Балканская война 1912-1913 гг. – Москва: ООО «Издательство АСТ», 2003.- Москва: Издание Товарищества издательского дела и книжной торговли Н.И. Пастухова, 1914.

<sup>2</sup>Ровинский, П. А. Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. I–III. СПб., 1888–1915.

<sup>3</sup>Писарев, Ю. А. Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. – М.: Издательство «Наука», 1985. – 285 с.

<sup>4</sup> Освободительные движения народов Австрийской империи: Период утверждения капитализма. М.: «Наука», 1981. – 464 с.

<sup>5</sup> Писарев, Ю. А. Мальков, В. Л. Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории / сборник статей. – М.: Наука, 1994. — 304 с.

представляющие собой сборники статей, где изложены актуальные достижения исторической мысли по конкретной теме. Среди публиковавшихся в позднейших сборниках статей в данном исследовании привлекались работы Ю. А. Писарева, В. Л. Малькова, В. Б. Хлебниковой, Н. И. Хитровой, Я. В. Вишнякова, С. А. Романенко, И. В. Чуркиной. Разработкой проблемы системных особенностей российского и британского влияния на процессы в рамках балканской подсистемы в XIX – начале XX веков занимался В. Н. Виноградов<sup>3</sup>. Позднее особенности политики Великобритании на пространстве Балкан в начале XX века освещала О. И. Агансон<sup>4</sup>. Н. И. Хитрова исследовала проблемы внутренней политики Черногории на стыке веков<sup>5</sup> и процессы консолидации черногорского национального самосознания до начала XX века<sup>6</sup>. Представляет интерес обзорная статья Хитровой, выступающая предисловием к сборнику документов, связанных с фигурой военного агента Н. М. Потапова<sup>7</sup>. Историографическое значение для данного исследования имеет и коллективная вступительная статья к сборнику документов по русско-словенским отношениям<sup>8</sup>, посвященная, в том числе, вопросам австро-венгерского «триализма». Я. В. Вишняков исследовал особенностями

<sup>1</sup> Человек на Балканах. Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX – начало XX века). – СПб.: Алетейя. – 2009. – 336 с.; Человек на Балканах. Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878-1920 гг. Коллективная монография. – М.: Институт славяноведения РАН, 2016. – 408 с.

<sup>2</sup> Славяне и Россия: проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения академика Ю. А. Писарева. Сб. статей / Отв. редактор С. И. Данченко. – М.: Институт славяноведения РАН, 2017 – 556 с.; Славяне и Россия: славяне и Россия в системе международных отношений. Сб. статей / Отв. редактор С. И. Данченко. – М.: Институт славяноведения РАН, 2017 – 320 с.

<sup>3</sup> Виноградов, В. Н. Балканская эпопея князя А.М. Горчакова. – М.: Наука, 2005. – 299 с. Виноградов, В. Н. Двуглавый российский орел на Балканах, 1683-1914. – М.: Индрик, 2010. – 479 с. Виноградов, В. Н. За балканскими фронтами Первой мировой войны. – М.: «Индрик», 2002. – 502 с.

<sup>4</sup> Агансон, О. И. От Бухареста до Сараево: политика Великобритании на Балканах и начало Первой мировой войны // Исторические Исследования. Журнал Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. – 2014. – № 1 (1). – С. 121–122.; Агансон, О. И. Между прагматизмом и идеализмом: к вопросу о методах британской политики на Балканах (конец XIX – начало XX вв.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2011. – № 3. – С. 90–92.

<sup>5</sup> Хитрова, Н. И. Россия и Черногория. Русско-черногорские отношения и общественно-политическое развитие Черногории в 1878-1908. – М., 1993.

<sup>6</sup> Хитрова, Н. И. Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения в 50-70 годах XIX века. – М.: Наука, 1979. – 336 с.

<sup>7</sup> Хитрова, Н. И. Предисловие / Н. М. Потапов. Т. 1. – С. 15–25.

<sup>8</sup> Артизов, А. Н., Чуркина, И. В., Эскин, Ю. М., Колоша, В., Кошир, М., Жумер, В. Предисловие. / Русско-словенские отношения в документах (XII в.–1914 г.). – М.: Древлехранилище, 2010. – С. 17–19.

исторического развития институтов власти в молодом сербском Королевстве<sup>1</sup>. Подробное изучение социально-политических процессов в Черногории XIX – начала XX века проведено в работах В. Б. Хлебниковой<sup>2</sup>.

Из черногорской историографии важны работа Ж. Булаича<sup>3</sup>, проясняющая особенности развития черногорской экономики с учетом влияния архаичных социальных институтов, а также работа Н. Шкеровича<sup>4</sup> по проблематике ряда внутривосточных кризисов в Черногории в начале XX века. Й. Йованович<sup>5</sup> привел обобщенную историю становления черногорской государственности от истоков до 1918 г. Одним из лучших и подробных изложений черногорской истории является работа Б. Павичевича<sup>6</sup>. Проблемным аспектам сербско-черногорской интеграции посвящал труды Д. Вуйович<sup>7</sup>. Ведущим черногорским исследователем истории взаимоотношений Черногории и России считается Р. Распопович<sup>8</sup>, выводивший концептуальные аспекты черногорско-российских отношений<sup>9</sup>, а также характеризовавший совместно с Г. Перазичем процесс развития черногорской политики после русско-турецкой войны 1877–1878 гг.<sup>10</sup>.

Из корпуса зарубежной историографии, написанной в иных странах и выделяемой в рамках первой группы привлекались работы Ш. Шон Мак-Микина<sup>11</sup>, М. Макмиллан<sup>12</sup>, А. Каппелера<sup>13</sup>, С. Фея<sup>14</sup>, Т. Толевой<sup>1</sup>.

<sup>1</sup>Вишняков, Я. В. Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века. – М.: МГИМО-Университет, 2012. – 438 с.

<sup>2</sup>Хлебникова, В. Б. Черногория: Феномен национальной государственности. 1878-1916 гг. – М., Институт славяноведения РАН, 2016. – 238 с. Хлебникова, В. Б. Черногория в начале XX в. // История Балкан. На переломе эпох (1878-1914 гг.) / Отв. ред. К. В. Никифоров. – М.: Институт славяноведения РАН, 2017. – С. 319–361.

<sup>3</sup>Булаич, Ж. Аграрни односи у Црној Гори (1878–1912). Титоград, 1959. – 284 р.

<sup>4</sup>Шкеровић, Н. Црна Гора на освиту XX века. Београд, 1964. – 640 р.

<sup>5</sup>Јовановић, Ј. Сварање Црногорске државе и развој црногорске националности. Историја Црна Горе од почетка VIII в. до 1918 г. Цетиње, 1948. – 445 р.

<sup>6</sup>Павићевић, Б. Стварање Црногорске државе. Београд, 1955. – 345 р.

<sup>7</sup>Вујовић, Д. Уједињење Црне Горе и Србије. Титоград, 1962.

<sup>8</sup>Raspopović, R. Diplomacija Crne Gore, 1711-1918. Београд. 1996. – 696 р.

<sup>9</sup>Raspopović, R. Crna Gora i Rusija. Ogledi i eseji. Podgorica–Београд. 2005 – 430 р.

<sup>10</sup>Raspopović, R. Perazić, G. Međunarodni ugovori Crne Gore 1878-1918, Zbornik dokumenata sa komentarom, – 'Pobjeda', Podgorica, – 1992. – 850 р.

<sup>11</sup>McMeekin, S. The Russian Origins of the First World War. Harvard, 2011. – 324 р.

<sup>12</sup>MacMillan, M. The War that ended Peace. The road to 1914. New York, 2013. – 739 р.

<sup>13</sup>Каппелер, А. Россия - многонациональная империя: Возникновение. История. Распад / Андреас Каппелер; Пер. с нем.: Светлана Червонная. - М.: Прогресс-Традиция: Традиция, 2000. – 342 с.

<sup>14</sup>Fay, S. The Origins of the World War. Vol. I-II. NewYork, 1928. Перевод на русский язык: Фей С. Происхождение мировой войны. М.-Л., 1934.

*Вторая группа* исследовательской литературы содержит работы, посвященные проблемам панславизма как социально-политического учения. Одним из первых историков, писавшим по данной проблеме, был А. Н. Пыпин<sup>2</sup>. До сих пор многие его идеи лежат в основе современных работ, посвященных панславистским концепциям<sup>3</sup>. В советский период обычно проводился либо историографический обзор представлений о панславизме, либо лингвистический анализ данного термина<sup>4</sup>. Рубежом в исследовании панславистских концепций можно считать статью О. В. Павленко 1998 г.<sup>5</sup>. В ней подводилась черта под всем опытом постижения панславизма как исторического феномена и явления в мировой социально-политической мысли. Труд по осмыслению феномена панславизма был продолжен Павленко в последующих работах<sup>6</sup>. Исследователь А. А. Григорьева особое внимание уделила изучению феномена политического влияния панславистской идеологии<sup>7</sup>. Об истории становления в России панславистских концепций и их влиянии на политические процессы писал А. А. Ширинянц<sup>8</sup>. Из последних трудов, о значении панславизма как политического учения, значима работа В. А. Болдина<sup>9</sup>. Отдельно выделяются работы, посвященные концепциям поздних славянофилов или

<sup>1</sup>Толева, Т. Австро-Венгрия и становление албанской нации / Перевод с болгарского А. С. Добычиной, Н. С. Гусева, А. А. Леонтьевой. Предисловие к российскому изданию А. А. Улуяна. - М.: Институт славяноведения РАН, 2018. – 504 с.

<sup>2</sup>Пыпин, А. Н. «Вопрос о национальности и панславизме» // РГАЛИ. Ф. 191. Оп. 1. Ед. хр. 1824. 90 л.

<sup>3</sup>Аксенова, Е. П. А. Н. Пыпин о славянстве. - М.: «Индрик», 2006. – С. 9–36.

<sup>4</sup>Волков, В. К. К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм» // Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969. - С. 25–69.

<sup>5</sup>Павленко, О. В. Панславизм // Славяноведение., 1998. —№6. – С. 43–60.

<sup>6</sup>Павленко О. В. Панславизм и его модели // Новая и новейшая история. №5. 2016. С. 3-15. / Павленко О. В. Панславизм в оценках чехословацкой историографии эпохи Холодной войны // Новый исторический вестник №4 (58). С.136-147.

<sup>7</sup>Григорьева, А. А. Панславизм: идеология и политика (40-е годы XIX – начало XX века). – Иркутск: Изд-во «Аспринт», 2013. 200 с. // Григорьева А.А. Балканская политика России и панславизм в 80-е годы XIX - начала XX века / Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. – № 6-1 (20). – С. 78–82.

<sup>8</sup>Ширинянц, А. А., Мырикова, А. В. Введение к исследованию истории и идеологии панславизма XIX века. / Под ред. А. А. Ширинянца. – М., 2010. – 72 с.

<sup>9</sup>Болдин, В. А. Панславистские политические концепции: генезис и эволюция / Под общей редакцией А. А. Ширинянца. – М.: Аквилон, 2018. – 376 с. (Исследования молодых ученых [Т. II]: изд. с 2018 г. / Отв. ред. серии А. Ф. Яковлева, М.С. Петрова).

неославянофилов, а также феномену «славянской взаимности»<sup>1</sup>. В последние годы большой вклад в изучение данной темы был сделан Г. В. Рокиной<sup>2</sup>. В рамках проблемы «славянской взаимности» выделяются исследования по феномену влияния отдельных представителей славянофильского учения, таких, например, как В. И. Ламанский. О значении фигуры Ламанского в контексте феномена панславизма писали А. А. Ширинянец<sup>3</sup>, Л. П. Лаптева<sup>4</sup>, О. В. Саприкина<sup>5</sup>, В. А. Болдин<sup>6</sup>, М. Д. Медоваров<sup>7</sup>. И. В. Чуркина, прорабатывала вопросы политического значения панславизма в контексте культурных славянских связей второй половины XIX века<sup>8</sup>. Е. Г. Кострикова исследовала процессы полемической борьбы в русской общественной мысли вокруг темы панславизма и славянской взаимности, в сочетании с проблемами русской балканской политики начала XX века<sup>9</sup>. Помимо этого, в исторической науке остается актуальной и проблема панславистского учения как идеологической основы для споров о некоем самобытном пути развития России<sup>10</sup>. Определенным фоном для принятия решений на балканском пространстве начала XX века, наряду с концепциями панславизма, выступала также идея османизма. О специфике сопряженного идеологического влияния

<sup>1</sup>Одесский, М. П. Автобиографическая публицистика М. А. Бакунина и идеология «славянской взаимности» // Вестник РГГУ. Серия «История. Философия. Культурология. Востоковедение». Раздел: История. Исторические науки. - 2012. - №13(93). - С. 153–170.

<sup>2</sup>Рокина, Г. В. Теория славянской взаимности в истории словацко-русских научных и культурных связей XIX века: Автореф. дис. канд. ист. наук. - Казань., - 2005. - 45 с.

<sup>3</sup>Гудков, А. Д., Ширинянец, А. А. Политические портреты: Владимир Иванович Ламанский // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. - 2001. - № 1. - С. 94–119.

<sup>4</sup>Лаптева, Л. П. В. И. Ламанский и славянская тема в русских журналах рубежа XIX–XX веков // Славянский вопрос. Вехи истории. — М.: Ин-т славяноведения РАН, 1997. — С. 118–129.

<sup>5</sup>Саприкина, О. В. Академик В. И. Ламанский (1833–1914): научное наследие и общественная деятельность : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09. — М., 2004. — 294 с.

<sup>6</sup>Болдин, В. А., Прокудин, Б.А. Эволюция панславистских взглядов В. И. Ламанского в начале XX в. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. — 2019. — № 3 (60). — С. 158–167.

<sup>7</sup>Медоваров М. В., Снежницкая С. И. Раскол среди поздних славянофилов и роль В.И. Ламанского в нем (1887–1897) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2019, – № 5. – С. 38–47.

<sup>8</sup>Чуркина, И. В. Славяне на Всероссийской Этнографической выставке и Славянском съезде в Москве // Славянский альманах. – М., 2008. – С. 5-17. / Чуркина, И.В. Южные славяне на Этнографической выставке и Славянском съезде в Москве в 1867 г. // Австро-Венгрия: Центральная Европа и Балканы (XI–XX вв.). СПб.: Алетей, 2011. (Российско-австрийский альманах: Исторические и культурные параллели. Вып. IV.). – С. 191–208.

<sup>9</sup>Кострикова, Е. Г. Геополитические интересы России и славянский вопрос: Идеиная борьба в российском обществе в начале XX века. – М.: Кучково поле, 2017. – 384 с.

<sup>10</sup>Фатеев, В. А. В спорах о самобытном пути России // Славянофильство: PRO ET CONTRA: творчество и деятельность славянофилов в оценке русских мыслителей и исследователей: – Антология. СПб., 2006. – С. 7–54. Миллер А. И. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования / А.И. Миллер. [Изд. 2-е, испр. и доп.]. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 316 с.

панславизма и османизма на политические решения одной из первых писала И. Л. Фадеева<sup>1</sup>. Позднее исследование дискурсивных взаимосвязей и разграничения османизма и панславизма во второй половине XIX века проводил А. М. Абидулин<sup>2</sup>.

В зарубежной исторической науке панславистские концепции сегодня нередко рассматриваются как националистические учения, определявшие в том числе и внешнеполитический курс России, особенно применительно к поздней Российской империи<sup>3</sup>. В зарубежной историографии проблеме панславизма посвящены работы Л. Л. Снайдера<sup>4</sup>, Г. Кона<sup>5</sup>, М. Петровича<sup>6</sup>, Д. Гроха<sup>7</sup>.

*Третья группа.* Постсоветская тенденция на междисциплинарность исследований, наложенная на методологическую и парадигмальную революцию «новой исторической науки», способствовала появлению новых исследований, нацеленных на проблему образов Балкан в общественно-политическом сознании. Возник пласт отечественных и зарубежных работ, посвященных исследованию феномена «ментального поля», формирующегося вокруг самого понятия «Балканский регион». Благодаря вкладу А. Л. Шемякина<sup>8</sup>, подход к изучению образов Балкан и славянских народов стал одной из тенденций актуальной отечественной балканистики.

<sup>1</sup>Фадеева, И. Л. Официальные доктрины в идеологии и политике османской империи (османизм-панисламизм) XIX-начало XX в. : автореферат дис. ... доктора исторических наук : 07.00.03 / АН СССР. Ин-т востоковедения. - Москва, 1989. - 29 с.

<sup>2</sup>Абидулин, А. М. Официальная идеология и пропагандистские кампании в Османской империи в эпоху правления султана Абдул Хамида II: 1876-1909 гг.: Автореф. дис. канд. ист. наук. - Саратов., - 2009. - 27 с.  
Абидулин, А. М., Ширкина, И. А. Трансформация идеологических концепций в Османской империи в 1850-1900 гг. Османизм-панисламизм // Исторический вестник. Феномен Османской империи. Т. 29. - 2019. - С. 196-215.

<sup>3</sup>Ливен, Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. - М.: Европа, 2007. - 688 с.  
Engelstein, L. Slavophile Empire: Imperial Russia's Illiberal Path. Ithaca: Cornell University Press, 2009. - 239 p.

<sup>4</sup>Snyder, L. L. Encyclopedia of Nationalism. New York, 1990. - 445 p.

<sup>5</sup>Kohn, H. The Mind of Modern Russia Historical and Political Thought of Russia's Great Age. Palala Press, 2015. - 312 p.

<sup>6</sup>Petrovich, M. B. The emergence of Russian Panslavism, 1856-1870. New York: Columbia University Press, 1956. - 312 p.

<sup>7</sup>Groh, D. Russland im Blick Europas. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1988. - 439 p.

<sup>8</sup>Шемякин, А. Л. «Мир детства» сербов в путевых записках П.А. Ровинского // Славянский альманах. М., 2004. - С.72-93.

Развитием данной проблемы в последствии занимались Н. С. Гусев<sup>1</sup>, М. В. Белов<sup>2</sup>.

В зарубежных работах особое внимание к проблеме образов связано с определенной имагологической концепцией, в частности, с поставленной М. Тодоровой проблемой «воображаемых Балкан»<sup>3</sup>, что связано и с проблемами пространства, понимаемого в рамках европейских концепций «ориентализма», описанных Э. В. Саидом<sup>4</sup> или ориентализированных образов Восточной Европы, рассмотренных Л. Вульфом<sup>5</sup>.

В рамках данной диссертации, в свою очередь, делается особый акцент на просачивание панславистских метафор в начале XX века на уровень принятия решений в рамках русско-черногорских отношениях, что отсутствует в иных работах в актуальной балканистике. Возможно, это связано с восприятием Черногории как «наименее значительного» актора балканской политики начала XX века. Однако в данной работе дискурсивная «малость» Черногории рассматривается как феномен только воображаемого, но не реального умаления ее политического влияния, обусловленного системностью международных отношений в рассматриваемый период. Это возводит Черногорию до уровня «значимости», сопоставимой со значимостью иных элементов международной системы.

### **Положения, выносимые на защиту:**

1. Русско-черногорские отношения в 1903–1912 гг. находились в диалектической взаимосвязи и взаимозависимости с общими политическими целями Российской империи в Балканском регионе, в том числе на уровне господствующего дискурса правящей элиты и деятелей русского военного ведомства, в частности.

<sup>1</sup>Гусев, Н. С. Южные славяне в начале XX века: перспективы и сложности научного подхода // Славяноведение, 2019. – № 1. – С. 3–6.

<sup>2</sup>Белов, М. В. «Молодые славянофилы» на пути к «славянскому братству»: Балканские путешествия 1840-х гг. // Славяноведение. 2017. № 2. – С. 96–112.

<sup>3</sup>Todorova, M. *Imagining the Balkans*. Oxford University Press, Inc. – N.Y., 2009. – 273 p.

<sup>4</sup>Саид, Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока / Эдвард В. Саид ; пер. с англ. А. В. Говорунова. – СПб.: Русский мир, 2006. – 636 с

<sup>5</sup>Вульф, Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи просвещения / Пер. с англ. И. Федюкина. – М.: Новое литературное обозрение, 2003., – С. 10–18.

2. Для русской панславистской риторики был характерен специфический образ южнославянских «братских» народов, в частности, черногорцев. Этот образ было принято описывать в публицистике, заметках путешественников, воззваниях, направленных на широкую общественность. С учетом такого восприятия южных славян выстраивался и курс русской балканской политики в 1903–1912 гг.

3. Поскольку панславистское восприятие южных славян в XIX – начале XX веков оказывало влияние на внешнеполитический курс России и на политическое развитие «малых» южнославянских государств, прежде всего, Сербии, Болгарии и Черногории, этот феномен привлек к Балканскому региону специфическое внимание других «великих держав», чья политика в регионе вынужденно приобретала национальное идеологическое измерение. В частности, в Австро-Венгрии это вылилось в альтернативный «триалитический» проект консолидации Балканского региона под ее началом.

4. Спровоцированное русской политикой панславистского толка повышенное внимание к региону «великих держав» и, прежде всего, русско-австрийское соперничество на Балканах привели к тому, что «малые» южнославянские народы воспринимали главной угрозой Австро-Венгрию, но не Россию. Это сформировало ключевые особенности русско-черногорских отношений в 1909–1912 гг., а также создало условия для становления Балканского региона как проблемного узла системы международного взаимодействия с чертами «буферной зоны», ставшей пространством последующих кризисов международного значения.

5. Положение Черногории как «малого» «буферного» южнославянского государства в системе международных отношений Балканского региона в 1903–1912 гг., с учетом популярности панславистской риторики, предоставляло ее лидерам особые возможности по влиянию на политику «великих держав» и, прежде всего, на балканскую политику Российской империи.

6. В условиях противоречивого развития новых государств на Балканах в конце XIX – начале XX веков, их лидерами разрабатывались альтернативные национальные и наднациональные проекты региональной интеграции, отчасти созвучные дискурсу русского панславистского проекта, с исключением образа «старшей покровительницы — России» или трансфером такого образа на иные, значимые на региональном пространстве государства — Сербию или Болгарию.

**Практическая и теоретическая значимость** работы заключается в комплексном осмыслении системообразующих процессов русско-черногорских отношений и балканской политики Российской империи в 1903–1912 гг. Сделанные обобщения и выводы, а также представленный в диссертации материал можно использовать в исследовательской деятельности с целью дальнейшей разработки проблемы в рамках исторической науки, а также в рамках следующих гуманитарных дисциплин: политологии, теории международных отношений и исторической антропологии; в практической деятельности лиц и организаций, разрабатывающих вопросы международного сотрудничества. Кроме этого, материалы диссертации могут быть использованы при написании исследований по истории балканской политики России, при чтении общих и специальных курсов по Отечественной истории, Политической истории, Новейшей истории.

Результаты исследования **апробированы** в 9 научных работах, включая 3 публикации в изданиях, включенных в Перечень ВАК.

**Объем и структура.** Основной текст работы составляет 235 страниц. Структура работы включает введение, три главы, заключение и список источников и литературы.

## **II. Основное содержание работы**

Во **введении** обосновывается актуальность проблемы, определяются объект и предмет, хронологические и географические рамки, цель, задачи, новизна, методология исследования. Приводится историография проблемы и

источниковая база исследования. Излагаются выносимые на защиту положения, дается краткая информация об апробации результатов исследования. Обосновывается структура работы.

**Первая глава «Особенности балканской политики Российской империи в 1903–1912 гг. в свете системного подхода»** разделена на три параграфа.

**1-ый параграф «Проблема «буферных зон» в системах международного взаимодействия»** посвящен теоретико-методологическим основам изучения «буферных зон» в системах международного взаимодействия. Рассматривается специфика термина «буферная зона». Описываются модели «буферных зон», особенности международных систем, включающих «буферные зоны», приводится авторский подход к пониманию сути «буферных зон» и дается обоснование рассмотрения Балканского региона как специфической «буферной зоны». Указывается, что, выстраивая систему политического взаимодействия в рамках «проблемного» региона, полюса силы оказываются в ситуации не просто взаимодействия, но и взаимозависимости<sup>1</sup>, становясь элементами единой системы. Так выводится, что любое изменение, происходящее с малым государством, пусть даже в рамках его внутренней политики, будет влиять, прямо или косвенно и на политику отдельного полюса силы.

Во **2-м параграфе «Особенности балканской подсистемы международного взаимодействия в 1903–1912 гг.»** рассматриваются системные факторы, воздействующие на специфику русско-черногорских отношений в 1903–1912 гг. Дается характеристика Балканского полуострова как «проблемного» региона в системе международных отношений начала XX века и как специфической «буферной зоны» международного взаимодействия «великих держав», а также анализ политических, экономических, культурных, исторических и психологических факторов,

---

<sup>1</sup>Каплан, М. Система и процесс в международной политике. // Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., науч. ред. и коммент. П.А. Цыганкова. – М.: Гардарики, 2002. – С. 220–235.

способствовавших возникновению данной зоны. Обозначается особая, завязанная на национальных вопросах, специфика балканской политики двух географически близких к Балканам «великих держав» – России и Австро-Венгрии. Делается акцент на феномене «состояния постимперии», характерного для Балканского региона в конце XIX – начале XX веков, определявшем специфику взаимодействия здесь «малых» и «крупных» государств. Описывается ряд дискурсивных особенностей русских проектов переустройства балканского региона в конце XIX – начале XX веков, основанных, в том числе, на панславистских императивах отношения жителей Российской империи к южным славянам.

**3-й параграф «Каналы распространения идеологии «славянского единения» в Российской империи и на Балканах в конце XIX – начале XX веков»** посвящен русскому панславизму как дискурсивной основе для деятельности военных и политических миссий России на Балканах в 1903–1912 гг. Описывается краткая эволюция русско-балканских связей в контексте взаимного «братского» восприятия в XIX веке. Русский панславизм рассматривается как фактор, легитимировавший процессы принятия решений в ходе претворения русского политического курса на Балканах. Представлена выработка панславистского и неославянского дискурсов в журналах «Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества» и «Русская мысль» последней четверти XIX века. Указывается, что в русле особой «русской панславистской риторики» был сформирован специфический образ южнославянских братских народов и, в частности, черногорцев. Указывается, что благодаря усилиям славянской интеллигенции XIX века данный образ стало принято описывать в публицистике, заметках путешественников, воззваниях, направленных на широкую общественность, и соотносить с ним русскую балканскую политику. Как следствие, на рубеже XIX–XX столетий в Российской империи элементы панславизма стали одной из дискурсивных и концептуальных основ политической повестки по балканским вопросам.

Вторая глава *«Динамика российско-черногорских отношений в 1903–1912 гг.»* содержит два параграфа.

1-й параграф *«Сербия и Черногория в военно-стратегических планах Российской империи на Балканах в 1903–1912 гг.»* сосредоточен на вопросах непосредственного взаимодействия России и Черногории в 1903–1912 гг. в рамках ряда политических, военно-стратегических и идеологических аспектов. Исследован процесс выстраивания русской внешнеполитической стратегии на Балканах относительно Черногории, в том числе с учетом роли, отводимой в русских стратегических планах Сербии. Описаны развитие русской военной миссии в Черногории с 1903 г. и особенности влияния русского военного агента в Черногории Н. М. Потапова на процессы реорганизации вооруженных сил Княжества. Проанализировано влияние на русско-черногорское и русско-сербское сотрудничество в военной сфере системных особенностей международного взаимодействия в начале XX века на европейском и балканском пространствах. На основе оценок Потапова рассматривается реакция на русскую политику на Балканах со стороны черногорских элит, прежде всего князя (с 1910 г. короля) Николы. Вопреки представлениям о Черногории, как о дискурсивно «малой» силе, обосновывается высокая значимость Черногории в системе русской балканской политики в рассматриваемый период.

Во 2-м параграфе *«Влияние идеологии «славянского единения» на политику России в Черногории в 1903–1912 гг.»* продемонстрировано постепенное проникновение элементов панславистского дискурса из комплекса идей поздних славянофилов в тексты официального характера — планы, донесения, аналитические записки Генерального штаба (Главного штаба) Российской империи, где обсуждались вопросы взаимодействия с Черногорией в 1903–1912 гг. Указывается, что для высших военных и дипломатических чинов Российской империи при принятии решений в конце XIX – начале XX веков в рамках политики относительно «малых» государств Балканского полуострова имело значение специфическое панславистское

восприятие южных славян, как «младших братьев» «старшей сестры-покровительницы» России. Тем не менее, совокупность системных факторов идеологического толка, возводила «малые» южнославянские государства Балканского полуострова, такие как Черногория, в ранг значимых объектов и субъектов русской внешней политики, так как роль «покровительницы» накладывала на Россию и определенные дискурсивные обязательства перед южнославянскими «братьями». Как следствие, это оказывало воздействие на специфику русско-черногорских отношений, на политическое развитие Черногории и на систему балканской политики иных «великих держав» в рассматриваемый период.

В третьей главе *«Основные вызовы для русской политики на Балканах и их влияние на внешнеполитическое развитие Черногории в 1903–1912 гг.»* русский политический курс на Балканах анализируется в контексте тревожных вызовов (альтернатив), зафиксированных в 1903–1912 гг. представителями русских миссий, с учетом их влияния на политическое развитие «малых» южнославянских государств, прежде всего, Черногории. Глава делится на два параграфа.

В 1-м параграфе *«Влияние «триалистического» проекта Австро-Венгрии на русскую политику на Балканах в начале XX века и его воздействие на внешнюю политику Черногории в 1903–1912 гг.»* в качестве вызова рассматривается альтернативный и конкурентный по отношению к панславистскому национально-ориентированный проект, возникший в рамках общественно-политического дискурса Австро-Венгрии — «триализм». Указывается, что вопреки выработке «триалистического» проекта консолидации Балканского региона под эгидой Дунайской монархии, отсутствие у него широкой поддержки внутри и вовне Австро-Венгрии, а также ее агрессивная внешняя политика на Балканах, сделали саму инициативу «триализма» неудачной. Показано, что русско-австрийское идеологическое противостояние на Балканах к 1910-м гг. было ознаменовано усилением негативного восприятия Австро-Венгрии в среде южных славян и,

напротив, упрочнением положительного образа России. Это определило специфику понимания ролей «великих держав» и «малых» государств в балканской системе после 1909 г., а главное сформировало дискурсивное представление об особой роли Российской империи на пространстве Балкан, что оказывало воздействие на принципы русской балканской политики до начала Балканских войн.

Во 2-м параграфе *«Социалистическая федерация как альтернатива для южнославянских государств в восприятии русских наблюдателей и ее влияние на политику России и Черногории в 1903–1912 гг.»* в качестве вызова рассматривается сочетание социальных и национальных конфликтов, ставших почвой для «социалистической федерации» как альтернативы русскому влиянию. Поскольку объединение под эгидой России не устраивало значительную часть южнославянских лидеров, естественным следствием процесса становления южнославянской государственности в конце XIX – начале XX веков стали альтернативные национальные и наднациональные проекты региональной интеграции, возникавшие в общественно-политическом дискурсе «малых» южнославянских государств, опиравшиеся, однако, на формулы «братства» и «единения», свойственные панславистскому дискурсу. Проанализированы политические волнения экономически и политически ущемленных подданных Черногории в 1905–1906 гг.; полемика в среде болгарских социалистов по вопросам сотрудничества южных славян и их отношение к России; социалистические волнения 1910 г. в Салониках. Социалистическое движение на Балканах и связанные с ним выступления в Черногории анализируются как системный фактор, определявший балканскую политику России, с учетом восприятия этих процессов русскими наблюдателями как проблемных для русских интересов на Балканах.

**Основные заключения работы.** В русском внешнеполитическом курсе с 1903 по 1912 гг. относительно Черногории прослеживается системность и наличие стратегического планирования. Прослеживается

высокая роль воздействия не только дипломатических, но отдельно и военных миссий России, на политику в Балканском регионе. Отмечается важное значение для русской стратегии в регионе национального вопроса и его грамотное использование. Конкурировавшие с Россией на Балканах «великие державы», такие как Австро-Венгрия, также были вынуждены учитывать национальный (и особенно южнославянский) вопрос в своей балканской политике. Особенности межгосударственного взаимодействия в рамках Балканского региона оказывали воздействие на политическое развитие «малых» балканских государств. К началу Балканских войн система русской политики на Балканах пережила упадок, когда «отказал» всего один ее элемент – Черногория. 1910-1912 гг. стали ключевыми для дипломатии Российской империи на Балканах в предвоенный период. Также большое значение имело стереотипное восприятие отдельными лицами, принимавшими политические решения, политических процессов и субъективное понимание ими «интересов» конкретного государства.

### **III. Основные положения работы отражены в следующих публикациях автора:**

#### **а) В изданиях, рекомендованных ВАК:**

1. Рыхтик П. П. Идеи «триализма» в Австро-Венгрии в 1902-1914 годах как отражение институциональных принципов антикризисной политики // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – № 4. – 2017. С. 60–63. (0,46 усл. п.л.)

2. Рыхтик П. П. Социалистический панславизм в начале XX века: рецепция идеи «балканской федерации» в работах В. Я. Богучарского (Яковлева) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – № 2. – 2020. – С. 90–96. (0,81 усл. п.л.)

3. Рыхтик П. П. Элементы панславизма в официальных документах военного ведомства Российской империи начала XX века: условия проникновения // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. Т. 67. – № 2. – 2020. – С. 25–36. (1,39 усл. п.л.)

**б) В научных журналах, сборниках научных трудов и материалах научно-практических конференций:**

1. Рыхтик П. П. Буферные зоны в мировой политике: постановка проблемы // Русская политология. Russian Political Science. № 2. 2017. С. 57–64. (0,92 усл. п.л.)

2. Рыхтик П. П. Влияние малых внутренних акторов на систему взаимоотношений в буферных зонах на примере Черногории в 1902-1912 годах // III Международная молодежная научно-практическая конференция «Гармонизация международных отношений в условиях глобального общества». 22-я Нижегородская сессия молодых ученых (гуманитарные науки): материалы докладов / Отв. за вып. И. Ю. Захарова. – Нижний Новгород: НРЛ, 2017. С. 297–300. (0,23 усл. п.л.)

3. Рыхтик П. П. Роль малых внутренних акторов в системе международных отношений в буферных зонах на примере Черногории в 1903-1914 годах // Материалы Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов 2017». [Электронный ресурс URL: [https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov\\_2017/data/10753/uid110608\\_report.pdf](https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2017/data/10753/uid110608_report.pdf) Дата обращения: 03.05.2017]. – 2017. – С. 1–2. (0,23 усл. п.л.)

4. Рыхтик П. П. Особенности призыва на воинскую службу лиц с ограниченными возможностями в условиях милиционного принципа формирования вооруженных сил на примере Черногорской армии в 1903 году // Инвалиды – инвалидность – инвалидизация. Под общей редакцией проф. З. Х. Саралиевой. – Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2018. – С. 524–528. (0,29 усл. п.л.)

5. Рыхтик П. П. Формирование национального самосознания в Черногории на фоне борьбы Великих держав за влияние в Балканском регионе в начале XX в // Ценностные приоритеты и гражданская активность: рефлексии и реализация в науке, литературе и искусстве – от эпохи Н. А. Добролюбова до современности: сборник докладов Международной

научной конференции «XLII Добролюбовские чтения» и Всероссийской научно-практической конференции «“В усадьбе, у себя, в раю...” (Усадьба: мир, миф и миг действительности)» / Под ред. Г. А. Дмитриевской, В. М. Строгеецкого. – Нижний Новгород: 2018. – С. 121–125. (0,29 усл. п.л.)

6. Рыхтик П. П. Буферная зона? Черногория в пространстве противоречий Балканского региона (1902–1914) // Пространства истории и истории пространств: метаморфозы восприятия, присвоение, созидание. Материалы международной научной конференции (XVI чтения памяти профессора Николая Петровича Соколова) / Под ред. А. Н. Маслова и А. В. Махлаюка. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситет им. Н.И. Лобачевского. – 2020. – С. 205–211. (0,40 усл. п.л.)